

На сцене орловского театра "Свободное пространство" состоялась премьера спектакля "Вешние воды" (по повести Ивана Тургенева). Режиссер-постановщик — белгородский режиссер Семен Лосев.



ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К АПЛОДИСМЕНТАМ

Спектакль для многих зрителей начинается с программки. Тут надо заметить, что программка практически к каждому спектаклю этого театра является некой прелюдией, маленьким оригинальным шедевром, раскрывающим атмосферу будущего действия. На сей раз программка озадачила. Параллель, проведенная между вечным классиком Тургеневым и вышедшим из моды экспрессионистом Мунком, не очень удивила: у нас часто притягивают за уши что угодно к чему угодно; но обнаженная женская фигура в позе "зю", которая у некоторых мгновенно вызвала ассоциации с жертвой маньяка, оставленной им в кустах, никак не ассоциировалась ни с одним из тургеневских персонажей.

Начало спектакля было тургеневским. Ночь. Кабинет. Камин. Главный герой — Дмитрий Санин, который назван в спектакле Господином С. (Михаил Артемьев), полон усталости, грусти и "отвращения к жизни" ("Он размышлял о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого". — И.Т.). Вдруг вспоминается двадцатилетней давности оживают в памяти. Сцена светлеет, и появляется молодой Санин (Дмитрий Зайцев) — легкий, свежий, свободный. Встреча с Джеммой (Елена Шигапова) в кондитерской, обморок младшего брата Джеммы, знакомство Санина с итальянской семьей... Всё идет поначалу как по нотам. Ты ощущаешь тургеневский слог, тургеневский дух. Но постепенно

в спектакль начинает проникать клоунада, и в определенный момент тебе от этих вкраплений, призванных, видимо, расшевелить и забавлять публику, становится тошно. Ну мечтает Эмиль (Александр Потапов) об артистической карьере, но зачем этот откровенно цирковой номер с жонглированием шариками? Ну попал русский парень в неприродную домашнюю атмосферу эмоциональной итальянской семьи, но к чему эта дурацкая песенка из одного слова "перпендикуляр" на моцартовскую мелодию? И скачки-ужимки, и жеребячий смех молодого Санина...



— всё это откровенное капустничество. Согласно: снесло Санину крышу от любви, поглупел он от счастья. Но разве это повод играть полного идиота?

Нет, вся эта веселуха многим очень даже нравилась. Наверное, тем, кто не читал "Вешние воды", или кто в глубине души боялся прослыть консерватором, не способным уловить "оригинальности" ре-



жиссерского взгляда на Тургенева.

Тургеневские "Вешние воды" — произведение, не лишённое иронии, но оно тонкое, стилистически блестящее, не нуждающееся в дешёвеньком "оживляе". В нём звучит тема глубоко нравственная, тема трогательной, романтической любви и всепоглощающей страсти. И именно это звучание доходит до сердец во все времена, именно это всегда узнаваемо и ультрасовременно.

Может быть, и была у режиссера какая-нибудь свежая идея, но в спектакле она не прозвучала убедительно и внятно. Чтобы протянуть современные реалии на фактуре 19-го века и не потерять при этом автора (Тургенева), наверное, надо больше доверять ему. И, может, не стоит пытаться сказать больше, нежели уже сказано гением? Дай бог хоть услышать и попытаться донести до зрителя.

Развлекая, мы порой отвлека-

ем, искажаем, теряем что-то очень важное, очень хрупкое.

Спектакль "Вешние воды" воспринимается неоднозначно.



И хорошего в нём несравненно больше, нежели погрешек, "капусты" и эмоциональных пережжётов.

Второй акт вообще отличается от первого стилистической выве-

ренностью, эмоциональным накалом, логичностью и динамичностью развивающегося действия. Говаривают, что режиссёр попытался внести в него дух Достоевского и даже коварной соблазнительницы Марии Полозовой (Светлана Нарышкина) придал черты эксцентричной Настасьи Филипповны. Можно подумать, Тургеневу недостаёт этой динамики, нерва и глубокой психологической проработки характеров! Ну да ладно — главное, что получилось захватывающе, художественно и красиво.

К эстетическим достоинствам спектакля, безусловно, в первую очередь можно отнести костюмы героев (сценография и костюмы Т. Скуридиной и Т. Сопиной), некоторые сценографические находки: разбросанные по сцене валуны, универсально исполняющие роль и мебели, и парковых скульптур, избавляющие от необходимости менять декорации; качели, на которых по-детски радостно и светло качается Джемма и по-ведьмински лихо и стремительно Мария Николаевна.

Интересен такой ход, как "раздвоение" главного героя. Господин С. (он же сам повествователь) постоянно находится на сцене с собой молодым, двадцатилетним. В его отношении к тем своим далёким годам и удивление, и горечь, и светлая грусть, такая, что живет в строках старинного романа, вынесенных И. Тургеневым эпиграфом к своей повести:

*Веселые годы,
Счастливые дни —
Как вешние воды
Промчались они!*

Через тернии душевных несопадений спектакль всё же привел к искренним, благодарным аплодисментам. Захотелось еще раз перечитать Тургенева, еще раз пересмотреть сам спектакль. Лишь досада не оставляла в покое: каким бы был он безупречно прекрасным, не будь в нём лишней, бессмысленной и неуклюжей, отсебятинны.

Ангела САЗОНОВА.
Фото Элеоноры СААКОВОЙ.